

Национальная идея: взгляд географа*

© 2021 г. В.А. Шупер

Институт географии РАН (ИГРАН), Москва, 119017, Старомонетный пер., д. 29;
Университет Бернардо О'Хиггинса, авенида Виел, 1497, Сантьяго, Чили.

E-mail: Vshuper@igras.ru

Поступила 07.03.2021

Формулирование национальной идеи происходит в условиях резкого обострения борьбы за власть как результата перехода к многополярному миру, фундаментального замедления демографического и экономического роста, наступления второго глобального дезинтеграционного цикла и завершения пятисотлетнего доминирования Запада. Россия не только осваивала Сибирь, но и сама сформирована ею. Вероятно, национальный характер и национальная идея во многом выкованы столетиями движения к Тихому океану. Без Сибири страна занимала бы сейчас столь же скромное место, как и другие метрополии бывших колониальных империй. Национальная идея должна быть проникнута независимостью мышления и духом первопроходцев. Для развития страны необходимы масштабные проекты, формирующие масштабных личностей, препятствующие распространению невежества и выученной беспомощности. В этом контексте особое значение приобретает географо-психологическая концепция Л.Н. Гумилева. «Сбережение народа» должно иметь не только демографическое, но и энергетическое измерение. Концепция Гумилева призвана восстановить позиции естествознания в формировании научной картины мира, в которой человечество – часть природы, обладающая особыми свойствами. Необходимо также переосмыслить положение В.И. Вернадского об организации учащегося народа в свете мобилизационной модели развития общества. Квинтэссенцией этой модели должна стать мобилизационная модель образования, которую необходимо рассматривать в качестве основания национальной идеи.

Ключевые слова: национальная идея, освоение Сибири, дух фронта, выученная беспомощность, ревизионизм, прогрессивный национализм, изменение климата.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-5-14

Цитирование: Шупер В.А. Национальная идея: взгляд географа // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 5–14.

* Исследование выполнено в рамках госзадания Института географии РАН № 0148-2019-0008.

National Idea: the View of a Geographer*

© 2021 Viacheslav A. Shuper

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 29, Staromonetnyi lane, Moscow, 119017, Russian Federation; Bernardo O'Higgins University, 1497, Avenida Viel Santiago, Chile.

E-mail: Vshuper@igras.ru

Received 07.03.2021

The formulation of the national idea takes place in the context of a sharp escalation of the struggle for power as a result of the transition to a multipolar world, a fundamental slowdown in demographic and economic growth, the beginning of the second global disintegration cycle and the end of the five-hundred-year domination of the West. Russia developed Siberia, but was at the same time a product of it. Probably, the national character and the national idea were largely formed by centuries of moving to the Pacific. Without Siberia, the country would now occupy the same modest place other metropolises of former colonial empires do. National idea should be inspired by the independence of thoughts and the spirit of the pioneers. The large-scale projects which form large-scale personalities to prevent the spread of ignorance and a learned-out helplessness are necessary for the development of the country. The L.N. Gumilev's geographic-psychological concept gains in this context special interest. "The saving of the people" should have not only the demographic but also the energetic dimension. Gumilev's concept is meant to restore the position of the natural sciences in the formation of the scientific view of the world which sees humanity as a part of nature with special qualities. It is also necessary to rethink the position of V.I. Vernadsky about the organization of the learning people in the context of the mobilization model of the development of society. The essence of this model should be the mobilization model of education, which should be considered as the basis of the national idea.

Keywords: national idea, development of Siberia, frontier spirit, learned helplessness, revisionism, progressive nationalism, climate change.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-5-14

Citation: Shuper, Viacheslav A. (2021) "National Idea: the View of a Geographer", *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2021), pp. 5–14.

Ведущиеся уже три десятилетия споры о том, нужна ли стране национальная идея и откуда ей взяться, затуманивают то обстоятельство, что только она может служить компасом в трудном и опасном плавании по бурному морю проблем и конфликтов. Одна из важнейших реалий, определяющих положение в современном мире, – резкое обострение борьбы за власть как в области межгосударственных отношений, так и внутри отдельных стран. Оно вызвано совпадением минимум четырех тенденций, действующих в одном направлении и усиливающих друг друга. Во-первых, это широко обсуждаемый переход от однополярного мира, сложившегося по результатам холодной войны, к многополярному, контуры которого сейчас еще совершенно неясны и начнут угадываться лишь через несколько лет. Во-вторых, это глобальный переход от высоких темпов экономического роста к низким, тесно связанный с предстоящей

* The study was carried out within the framework of the state task of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences No. 0148-2019-0008.

во второй половине столетия стабилизацией численности человечества. Значение демографических факторов исторического процесса всегда недооценивалось. Между тем, авторитетный отечественный демограф А.Г. Вишневецкий считал три столетия очень быстрого демографического роста с конца XVIII в. до конца XXI в. кратким переходным периодом от очень медленного роста в течение тысячелетий к столь же медленному снижению, то есть от одного равновесного состояния к другому [Вишневецкий 2019]. При этом весь бурный прогресс, начало которому положила первая промышленная революция, вполне укладывается в этот переходный период.

Долговременное снижение темпов экономического роста само по себе становится источником социальной нестабильности. «Когда экономический рост снижается (не в силу невозможности изобретений, а в силу отсутствия реальных результатов), роль инструментальной рациональности может сильно уменьшиться. Поскольку не только этот рост требует рациональности, но и рациональность нуждается в нем» [Геллнер 2003, 236]. Э. Геллнер всячески подчеркивал, что приверженность среднего класса демократическим ценностям возможна лишь при быстром экономическом росте.

Третья тенденция связана с чередованием интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства [Синцеров 2006]. Первая глобализация – с середины XIX в., когда сформировалось мировое хозяйство в современном его понимании до 1914 г. – строилась вокруг Великобритании, производившей в середине XIX в. половину промышленной продукции мира. Она закономерно именовалась *Pax Britannica*, ее апогеем стала *Belle Époque*, обычно понимаемая как последние два десятилетия перед Первой мировой войной. Две мировые войны и короткий промежуток между ними – это первый глобальный дезинтеграционный цикл. В 1945 г. началась вторая глобализация, лидером которой стали США, производившие после войны половину мирового валового продукта. Она и вошла в историю как *Pax Americana*. Ее завершением разумно считать 2008 г. – апогей финансово-экономического кризиса. Трудно удержаться от аналогии и не назвать два десятилетия после окончания холодной войны *Belle Époque 2.0*. Можно ожидать, что через 15–20 лет начнется третий глобальный интеграционный цикл, однако контуры нового мира пока неясны. Едва ли стоит путем простой экстраполяции предвещать *Pax Sinensis* – Китай будет укреплять свои позиции в мире в условиях чрезвычайно жесткого соперничества с США, а при неблагоприятном для нас развитии событий – и с Индией. В любом случае в условиях дезинтеграции происходит распад международных производственных цепочек, превращающихся из важного конкурентного преимущества в серьезные уязвимости [Лисоволик 2020 web]. Этому способствуют и тенденции развития технологий (робототехника, трехмерная печать, искусственный интеллект).

Наконец, четвертая тенденция – это также ставшее уже предметом широкого обсуждения завершение пятисотлетнего доминирования Запада. Здесь важно отметить, что завершение этого периода означает и существенное сокращение возможностей Запада использовать неэквивалентный обмен для собственного развития, что неизбежно способствует закату государства всеобщего благоденствия (*Welfare State*). Исключительная роль СССР, а сейчас – России в демократизации международных отношений, обеспечении возможности выбора для стран третьего мира неоднократно подчеркивалась С.А. Карагановым. Для нас в этом контексте важна выработка национальной идеи, которая соотносима с концепцией прогрессивного национализма [Ливен 2020 web]. В этом плане следует не переписывать нашу историю, но многое в нее дописать. В ней совершенно недостаточно отражена роль Сибири как важнейшего фактора развития России, которая в равной мере осваивала Сибирь и сама была сформирована ею. В статье «Остров Россия. Перспективы российской геополитики» (1993 г.) рано ушедшего от нас В.Л. Цымбурского это положение было сформулировано последовательно и ярко. Освоение Сибири имеет самое отдаленное отношение к колониализму, что было особенно зримо в советский период, когда к востоку от Урала создавались наиболее современные производства. Великие стройки требовали напряжения сил всей страны. Если строительство Транссиба еще можно было отчасти считать

проявлением железнодорожного империализма (так именовали на Западе в начале XX в. российскую экономическую экспансию на восток и юго-восток), да и проходил он поначалу через Манчжурию, то к Урало-Кузнецкому комбинату, созданному в начале 1930-х гг., это не относится ни в малейшей степени. Беспрецедентное достижение в отечественной экономической истории, сейчас незаслуженно забытое, состояло в том, что благодаря использованию маятниковых перевозок и в высшей степени благоприятного рельефа впервые в мире по железной дороге стали перемещать такие массы грузов, которые ранее перевозились только морем.

В невероятно короткие по историческим меркам сроки был создан Академгородок, ставший третьей научной столицей СССР. Если Россия создана Сибирью (до революции ею именовалось все пространство от Урала до Тихого океана), не только столетиями преобразовавшей энергию нации в наиболее необходимые ей ресурсы, но и выковывавшей национальный характер, то оттуда, вероятно, и наш кураж. Оттуда же вполне может быть и наша национальная идея. Ведь очевидно, что без Азиатской России страна наша занимала бы сейчас столь же скромное место, как и другие метрополии бывших колониальных империй – Великобритания, Франция, Нидерланды и др. Однако география уготовила нам другую историческую судьбу.

Расхожие рассуждения о колониальной политике федерального центра в Азиатской России не выдерживают никакой критики в свете ее государствообразующей роли. Проблема экономической свободы критична для страны в целом, однако в районах пионерного освоения, так называемого фронта, она приобретает особую остроту. Получается замкнутый круг: *дух фронта*, который сейчас особенно необходим для коренной реконструкции страны, сильнее всего подавляется именно в своей колыбели. Между тем *Азиатская Россия должна стать гигантской лабораторией будущего, громадным испытательным полигоном для экспериментальной проверки новых решений – институциональных, управленческих, технологических, распространяемых в случае успеха на всю страну*. Наша национальная идея должна предполагать существенную переориентацию с Европы на Азию, где будут разворачиваться основные события XXI в. Для этого надо не только осваивать Сибирь в ее старом понимании, включавшем и Дальний Восток, но и глубоко изменить себя.

Формирование национальной идеи происходит в условиях уже отмеченного завершения пятисотлетнего доминирования Запада. Для России это совпало, вряд ли случайно, с окончанием трехсотлетних попыток интегрироваться в Европу в том или ином качестве. Этому драматическому перелому в отечественной истории посвящено широко известный доклад А.И. Миллера и Ф.А. Лукьянова «Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности» (2016 г.). Кульминацией этих попыток стали первые полтора десятилетия постсоветской России, когда отсутствие идеологических расхождений с Западом и имперских амбиций породило надежду на то, что наша страна войдет, наконец, в семью цивилизованных народов. Именно осознав окончательный провал, казалось бы, самого прекрасного и перспективного из всех интеграционных проектов, страна начала «вставать с колен», все чаще оппонировав Западу по все более широкому кругу вопросов. Ф.А. Лукьянов удачно назвал это новое качество «ревизионизмом поневоле». Однако ревизионизм поневоле сродни сопротивлению поневоле. Вряд ли последнее сулит победу в долгой и тяжелой борьбе. Для победы нужны системность и последовательность, полное напряжение сил и мобилизация всех ресурсов, в первую очередь – интеллектуальных. Но именно здесь у нас самые серьезные провалы. Мы плохо представляем, чего, собственно, хотим, и еще хуже представляем соперника, которого при существующих отношениях было бы правильнее называть противником, прежде всего – его методы борьбы за власть, необоснованно полагая, что хорошо его понимаем благодаря длительному взаимодействию.

По справедливому мнению А.И. Солженицына, насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием. Запад победил в холодной войне не только в силу большей эффективности своей экономики, но и потому, что создал

значительно более эффективную машину насилия, ибо экономическое принуждение много действеннее административного. Разумеется, эффективная экономика дает для этого обильные ресурсы, однако механизм тут совершенно другой. Это стало очевидно в ходе нынешних реформ науки и высшего образования, когда применение библиометрии для оценки труда ученых грубо исказило их ценностную ориентацию и привело к быстрой деградации института репутаций – зачем долгие годы нелегким трудом создавать себе имя, если можно просто накрутить Хирша, в том числе и воспользовавшись многочисленными коммерческими предложениями [Шупер 2020 web]? Извращения советских лет, вроде соцсоревнования и соцобязательств, в сравнении с этим – просто шутка.

Речь не идет о самомалейшей идеализации советских времен, даже брежневских, которые сегодня видятся золотым веком отечественной науки. И тогда идеологическое давление и политический произвол сковывали развитие важных областей знания, ломали судьбы ученых. Речь о том, что двоемыслие было спасительным в СССР: люди на собраниях говорили одно, а в кругу тех, кому доверяли, совсем другое. Именно благодаря двоемыслию сосуществовали официальная и неофициальная иерархии. Одним воздавали почести по должности, другим – по заслугам. Ученый мог не иметь чинов, испытывать огромные трудности с публикацией своих статей, не говоря уже о книгах, но доклады его вызывали стечение народа, знакомство с ним и чиновный люд считал честью. Благодаря этому гамбургскому счету процветали полуофициальные и домашние семинары. Важные научные направления, развитие которых не только не финансировалось, но, наоборот, пресекалось, развивались полуподпольно исключительно благодаря ему. Сейчас от этого гамбургского счета почти ничего не осталось, ведь экономический интерес проникает глубоко в душу и, увы, деформирует ее. В отличие от административного принуждения, он не оставляет человеку уважительных причин для самооправдания. Почти ничего не осталось и от семинаров, причем не только домашних, в коих более нет нужды, но и вполне официальных. К.А. Тимирязев писал на заре ХХ в.: «Из всех мыслимых форм цензуры, конечно, самой худшей, самой ненавистной была бы цензура не произведения, а лица... Но именно эта худшая форма цензуры применяется к университетской преподавательской деятельности и притом не только в карательной, *сравнительно* (курсив источника. – В.Ш.) менее вредной, но и в несравненно более вредной – предупредительной форме. Я говорю, что вторая несравненно вреднее, и действительно, что значит потеря нескольких талантливых преподавателей в сравнении с возможностью умственного и нравственного растрясания целых поколений ученых, стремящихся угадать, к каким выводам должна приходиться их свободная наука для того, чтобы оказаться в согласии с воззрениями ее бюрократических оценщиков» [Тимирязев 1963, 18–19].

И географам тут есть что сказать. Именно чл.-корр. РАН А.П. Капица был одним из первопроходцев, разоблачавших миф о разрушении озонового слоя. Этот миф, похоронивший в свое время всю нашу холодильную промышленность, сейчас пытаются реанимировать, несмотря на очевидную научную несостоятельность [Сывороткин 2020]. Комиссия РАН, в которую входил цвет отечественной науки, включая акад. РАН Ю.А. Израэля, настоятельно рекомендовала не подписывать Киотский протокол как не имеющий научного обоснования и вредящий интересам страны. Только мощнейшее идеологическое, политическое и экономическое давление (чтобы получать гранты, надо обязательно быть в мейнстриме) позволяет заглушать, хотя и не полностью, голоса ученых, аргументированно утверждающих, что происходящие климатические изменения – результат природных процессов [Ретеюм 2020 web; Тишков 2019 web]. Многими исследователями прогнозируется начало похолодания уже в середине столетия (из последних публикаций отметим [Абдусаматов 2019]). Между тем Межправительственная группа экспертов по изменению климата, работающая под эгидой ООН, никаких собственных исследований не ведет, а лишь обобщает результаты, полученные разными авторами из разных стран. Понятно, что отбор источников для обобщения не может не быть субъективным. Неудивительно ли, что человечество, тратя

на борьбу с парниковым эффектом даже не миллиарды, а триллионы долларов, не может выделить несколько десятков миллионов долларов на проведение совершенно необходимых исследований?

Главное же в том, что для современной науки характерен полиморфизм теоретического знания, по Н.Ф. Овчинникову. Соперничающие теории могут сосуществовать десятилетиями, а придерживающиеся их ученые считают такое положение нормальным и никогда не враждуют на научной почве. Однако в основе нормального развития науки лежат испытанные этические принципы, в данном случае – недопустимость отождествления гипотез и твердо установленных фактов.

Многонациональный и многоконфессиональный народ-первопроходец, сформированный освоением Сибири, не может сегодня позволить себе роскошь «почтить на лаврах», требуется напряжение сил всей нации для решения проблем страны. Более того, если во всем мире в условиях деглобализации внешняя политика всё более становится лишь средством решения обостряющихся внутренних проблем, то нам надо идти в противофазе и считать борьбу за сохранение Россией достойного места в мире приоритетом при решении любых задач развития страны.

Важнейшее назначение нашей национальной идеи – стать инструментом перехода к новому мирохозяйственному укладу, по С.Ю. Глазьеву. Для осмысления этого положения необходимо, как нам представляется, обратиться к концепции пассионарности Л.Н. Гумилева, опиравшегося на исследования биохимической энергии живого вещества В.И. Вернадского и трактовавшего этнос как явление энергетическое, как пассионарное поле одного ритма. «Сбережение народа» должно иметь не только демографическое, но и энергетическое выражение. Такой подход должен восстановить позиции естествознания в формировании научной картины мира, в которой человечество – часть природы, обладающая особыми свойствами. Засилье постмодернизма привело не только к широчайшему распространению невежества, вплоть до совершенно средневековых предрассудков у людей с формально высоким образовательным уровнем, но и к грубейшим искажениям научных представлений элиты. Абсолютно господствует, например, опасное заблуждение, будто прогресс науки и техники неуклонно уменьшает зависимость человека от природы, вплоть до того, что человечество, как эдакий слон в стекольной лавке, своими неуклюжими действиями даже меняет глобальный климат. В действительности эта зависимость никоим образом не ослабевает, но приобретает новые формы. В результате геомагнитной бури 1859 г. («событие Кэррингтона») вышла из строя вся телеграфная связь, а некоторые телеграфисты получили удар током. Если подобная вспышка на Солнце произойдет сейчас, то не надо и никакой войны.

Между тем переход в совсем иную экономическую реальность с очень низкими темпами роста создает для нашей страны не только угрозы, но и новые возможности. Развитие отечественного хозяйства уже давно не отличается динамизмом и не приобретает его, даже при проведении необходимых реформ и эффективной экономической политики. Экономика ускорится, но далеко не так сильно, как на то надеется широкая публика, причем в силу многих причин, в т.ч. и геополитического характера. Прогноз по санкциям – самый неблагоприятный, а этого одного уже довольно для недопущения быстрого роста. Поэтому должна ставиться задача улучшения качества роста, облагораживания отраслевой структуры хозяйства. Это задача не только для экономики, но для общества в целом. Необходимо загодя готовиться к рывку, чтобы совершить его через 15–20 лет, когда для него откроется окно возможностей. Подготовка к борьбе за достойное место страны в мире очень низких темпов экономического роста, своего рода *битва за плато* [Шупер 2019 web], безусловно, должна найти отражение в формировании нашей национальной идеи.

Как отмечает Ф.А. Лукьянов, пандемия «фактически отменила феномен безальтернативности развития, с которым все свыклись даже не на интеллектуальном, а на психологическом уровне» [Лукьянов 2020 web]. Ранее «по умолчанию считалось, что издержки от изменения статус-кво превысят любые выгоды от этого изменения. Борьба же

на мировой арене шла не за революцию в международных делах, а за то, чтобы обустроить себе более комфортабельное место в существующей системе» [Лукьянов 2020 web]. Теперь стало очевидно, что революции не избежать. Она уже началась и, как подбоает революции, радикально меняет общественную мораль: «то, что было принято осуждать (национальный эгоизм и стремление отгородиться от взаимозависимости), является чуть ли не единственным рациональным способом поведения» [там же].

Альтернативность будущего вдохновляет на борьбу. Но готовиться надо к другой игре, карты для которой еще только будут сдаваться через несколько лет. В этой игре, безусловно, проиграют и некоторые из наших соперников, от коих мы сейчас существенно отстаем. Так, ЕС предстоит девальвация евро и существенное снижение жизненного уровня [Брюне, Гишар 2012]. Без этого не восстановить конкурентоспособность французской экономики, не говоря уж об итальянской. *Когда турбулентность огромна, а планирование невозможно, именно национальная идея должна стать путеводной звездой, нашим ориентиром в трудных преобразованиях, которые позволят обеспечить стране достойное будущее.* В этих условиях следует обратиться к нашему богатому идейному наследию, создававшемуся в эпохи подъема научного творчества, а не его упадка.

Советский философ М.К. Петров, не имевший возможности опубликовать свои важнейшие произведения, которые были изданы лишь посмертно, еще в 70-е гг. показал экстенсивный характер развития образования и предложил концепцию перехода к его интенсивному развитию [Петров 2004]. Он провидчески определил невозможность решать проблемы образования путем удлинения сроков обучения, равно как и невозможность развития науки путем постоянного наращивания численности исследователей. В условиях «выхода на плато» переход от экстенсивного роста к интенсивному развитию необходим не только в образовании и науке, но во всех важнейших сферах общественного развития. В странах Запада мы наблюдаем сейчас классический экстенсивный рост почти во всех областях, включая образование и науку, и только в экономике явственно видны ростки нового – интенсивного развития. Разумеется, наши геополитические соперники сделают всё возможное, чтобы навязать нашей стране ту игру, в которой у нее нет шансов выиграть, однако, став пионером перехода к интенсивному развитию, Россия станет и интеллектуальным лидером незападных стран [Шупер 2019 web].

Этот переход потребует коренного изменения даже не стиля, а способа мышления, отказа от количественного фетишизма, при котором всё, что не поддаётся измерению, либо не существует, либо несущественно, замены количественных показателей качественными [Шупер 2020 web]. Для этого нужно преодолевать выученную беспомощность, то есть по сути – формировать нового человека. Поэтому необходимы масштабные проекты в области освоения Сибири, Дальнего Востока, Арктики, причем не советскими методами, подходившими для своего времени, а совершенно новыми, которые только предстоит разработать, развития образования и науки, ведь масштабная личность может сформироваться только на большом деле. Воспринятый с Запада подход – это не только количественный фетишизм, когда под рейтинги вузов или государств затачивается вся деятельность соответствующих институций с огромным ущербом для решения их реальных задач, но и стремление всё предельно упростить, чтобы сделать понятным некомпетентному большинству, но и навязанное мелкотемье, облегчающее оценку и контроль. Отсюда и знаменитое «одна статья – одна идея». Нам же надо исходить из марксова положения о том, что в процессе труда человек изменяет не только предмет труда, но и самого себя, и соответствующим образом направлять его труд. Это положение, перестав быть единственно-научным, не перестало быть верным. Наша национальная идея должна отражать масштабный и целостный взгляд на мир, мы должны пробиваться к нашим целям с теми же смелостью и упорством, с какими наши предки пробивались к Великому океану.

«Интегральную империю», по С.Ю. Глазьеву, необходимо создавать именно как *империю фронтира*, бурно развивающуюся в перешедшем к стационарности мире и тем вызывающую зависть других. Наша судьба, которой мы должны быть достойны, это освоение пространств – географических и виртуальных. Созданная Сибирью страна обладает последним в мире фронтиром. Но фронтир не надо понимать только географически, ведь и естественные науки – это самая захватывающая и благородная конквиста в истории человечества. Мы преуспевали в них в прошлом и можем преуспеть в будущем, если освободим науку и ученых от бюрократических извращений, мелочной регламентации и чудовищно нелепых критериев успеха. Нам не будут страшны надвигающиеся бури если национальный характер будет выкован духом фронтира.

Империя фронтира должна сплотить нацию для решения великих задач, положив при этом конец восстанию масс, без чего не осуществить масштабные проекты и не обеспечить широкую личную и интеллектуальную свободу. Это вполне совместимо с мобилизационной моделью развития общества, которую вынуждена принять страна, чтобы выстоять в крайне неблагоприятных условиях. Даже базовый безусловный доход, неизбежный в обществе, где человека легче прокормить, чем трудоустроить, вполне возможен в рамках мобилизационной модели, если свобода уравновешена ответственностью, права – обязанностями, если человеку с детства внушают, что не страна для него, а он для страны и всегда должен думать о том, чтобы быть ей полезным. Он может писать картины, которые никто не покупает, учить ближних живописи, сажать деревья или просто гулять в лесу, но он никогда не станет участвовать в бесчинствах и ультимативно требовать того, чего явно не заслужил. Недаром М.К. Петров, закономерно исходивший из положения о том, что все виды экономии в обществе, в конечном счете, сводятся к экономии времени, считал «лишних людей» исключительно ценным для общества ресурсом.

Но сделать человека личностью, а не безликой каплей невежественной массы, может только образование, которое ни в коем случае не должно быть добровольным. Огромное преимущество его мобилизационной модели уже в том, что она позволяет заставить детей учиться, объяснив и детям, и взрослым, что учеба – не развлечение, а долг, который каждому надлежит выполнять в меру своих способностей. В связи с этим приведем малоизвестную мысль В.И. Вернадского, оценившего роль мобилизационной модели образования еще в 1913 г.: «Под влиянием создания новых государств и демократизации жизни в военном деле постепенно начинает осуществляться идея вооруженного народа, заменяющего прежние армии наемников, солдат-специалистов, династических или классовых преторианцев. Совершенно аналогично этой дорогостоящей, непроизводительной, но неизбежной в наших условиях жизни и культуры народной военной организации начинает выдвигаться другая форма будущей жизни человечества – организация учащегося народа. Здесь мы видим форму организации производительную, дающую не только охрану культуры и национального существования, но творящую эту культуру, кующую национальную силу. Сейчас “учащийся народ” далек от стройной военной организации “вооруженного народа”. Затраты и усилия на его создание ничтожны по сравнению с тем, что тратится на вооруженную силу государства. Но средства и силы на его создание увеличиваются с каждым поколением, и тенденция к такой государственной организации на общечеловеческой основе начинает сказываться всё резче с каждым поворотом времени» [Вернадский 2010, 276].

Спустя столетие на новом витке истории военное дело опять почти полностью стало занятием профессионалов, но организация учащегося народа должна стать главным воплощением мобилизационной модели общества. Без этого не одолеть восстания масс, не справиться с захлестнувшим нас валом посредственности и пошлости. Решение стратегических задач будет весьма полезным и в тактическом отношении: резко возрастет уровень отечественного образования, а вместе с ним и «экспорт образовательных услуг» (взят в кавычки, поскольку автор полностью разделяет мнение о том, что образование – не услуга, а функция). Укрепитесь «мягкая сила» государства.

Нация требовательна, но никогда не тоталитарна, сказал известный французский географ Жан-Робер Питт. Именно на этом принципе надо основывать нашу империю фронта. Главное, что мы должны передать тем, кто идет за нами, – смелость в постановке целей и поисков путей их достижения.

Источники – Primary Sources

Вернадский 2010 – *Вернадский В.И.* Письма о высшем образовании в России. Задачи высшего образования нашего времени // *Вернадский В.И.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 270–282 (Vernadsky, Vladimir I., *Letters on Higher Education in Russia. The Challenges of Modern Higher Education*, in Russian).

Петров 2004 – *Петров М.К.* История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004 (Petrov, Mikhail K., *History of European Cultural Tradition and its Problems*, in Russian).

Тимирязев 1963 – *Тимирязев К.А.* Академическая свобода (мысли вслух старого профессора) // *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. Сб. статей 1904–1919 гг. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1963. С. 17–27 (Timiryazev, Kliment A., *Academic Freedom (An Old Professor Thinks Aloud)*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Абдусаматов 2019 – *Абдусаматов Х.И.* Изменения климата под воздействием звезды Солнце в настоящем и будущем // *Вопросы географии.* 2019. № 149. С. 220–262.

Брюне, Гишар 2012 – *Брюне А., Гишар Ж.-П.* Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения / Пер. с фр. М.: Новый хронограф, 2012.

Вишневский 2019 – *Вишневский А.Г.* Демографический переход и проблемы демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // *Социологический журнал.* 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104.

Геллнер 2003 – *Геллнер Э.* Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2003.

Ливен 2020 web – *Ливен А.* Прогрессивный национализм // *Россия в глобальной политике.* 2020 № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/progressivnyj-nacjonalizm/>

Лисоволик 2020 web – *Лисоволик Я.Д.* О расстояниях и синхронности «нового мира» // *Международный дискуссионный клуб «Валдай».* 29.10.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/o-rasstoianiyakh-i-sinkhronnosti-novogo-mira/>

Лукьянов 2020 web – *Лукьянов Ф.А.* С открытым финалом // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/s-otkrytym-finalom/>

Ретеюм 2020 web – *Ретеюм А.А.* Опасный миф антропогенного потепления // *ИА REGNUM.* 28.10.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3101660.html>

Синцеров 2006 – *Синцеров Л.М.* Длинные волны глобальной интеграции // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. № 5. С. 56–64.

Сывороткин 2020 web – *Сывороткин В.Л.* Монреальский протокол – главное научное фиаско XXI века // *ИА REGNUM.* 26.10.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3099555.html>

Тишков 2019 web – *Тишков А.А.* Насколько реальны прогнозы о глобальном потеплении // *Независимая газета.* 11.11.2019. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/energy/2019-11-11/12_7723_climat.html

Шупер 2019 web – *Шупер В.А.* Переход к интенсивному развитию: проект для России на XXI в. // *Российский совет по международным делам.* 6 мая 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perekhod-k-intensivnomu-razvitiyu-proekt-dlya-rossii-na-xxi-v/>

Шупер 2020 web – *Шупер В.А.* Севший голос науки. Взгляд из Отечества // *Управление наукой: теория и практика.* 2020. Т. 2. № 1. URL: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56>

References

Abdusamatov, Khabibullo I. (2019) “Climate Change Under The Influence Of The Sun In Present And Future”, *Voprosy Geografii*, Vol. 149, pp. 220–262 (in Russian).

Brunet, Antoine, Guichard, Jean-Paul (2011) *La visée hégémonique de la Chine. L’impérialisme économique*, L’Harmattan, Paris (Russian Translation).

Gellner, Ernest (1992) *Reason and Culture: The Historic Role of Rationality and Rationalism*, Blackwell, Oxford UK & Cambridge (Russian Translation).

Lieven, Anatol P. web (2020) “Progressive Nationalism”, *Russia in global affairs*, Vol. 5, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/progressivnyj-nacjonalizm/> (in Russian).

Lisovolik, Yaroslav D. web (2020) ‘On Distance and Synchronicity in the “New World”’, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/o-rasstoyaniyakh-i-sinkhronnosti-novogo-mira/> (in Russian).

Lukyanov, Feodor A. web (2020) “Open Ending”, *Russia in global affairs*, Vol. 6, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/s-otkrytyy-finalom/> (in Russian).

Retyum, Aleksey A. web (2020) “Dangerous myth of anthropogenic warming”, *IA REGNUM*, 28.10.2020, URL: <https://regnum.ru/news/polit/3101660.html> (in Russian).

Sintserov, Leonid M. (2006) “Long waves of global integration”, *World Economy and International Relations*, Vol. 5, pp. 56–64 (in Russian).

Syvorotkin, Wladimir L. web (2020) “Montreal Protocol – the main scientific fiasco of the 21 st century”, *IA REGNUM*, 10/26/2020, URL: <https://regnum.ru/news/polit/3099555.html> (in Russian).

Tishkov, Arkadiy A web (2019) “How realistic are forecasts of global warming”, *Nezavisimaya Gazeta*, 11.11.2019, URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/energy/2019-11-11/12_7723_climat.html (in Russian).

Shuper, Viacheslav A. web (2019) “Transition to Intensive Development: a Project for Russia in the 21st Century”, *Russian International Affairs Council*. 6.05.2019, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perekhod-k-intensivnomu-razvitiyu-proekt-dlya-rossii-na-xxi-v/> (in Russian).

Shuper, Viacheslav A. web (2020) “The Shrunk Voice of Science. View from the Fatherland”, *Science management: theory and practice*, Vol. 2, No. 1, URL: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56> (in Russian).

Vishnevsky, Anatoly G. (2019) “Demographic Transition and the Problem of Demographic Self-regulation. Answer to A.B. Sinelnikov”, *Sociological journal*, Vol. 25, No. 4, pp. 93–104 (in Russian).

Сведения об авторе

ШУПЕР Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН; ассоциированный профессор Университета Бернардо О’Хиггинса, Сантьяго, Чили.

Author’s Information

SHUPER Viacheslav A. – DSc in Geography, professor, leading researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; associate professor, Bernardo O’Higgins University, Santiago, Chile.